

Быкова С.И.,
г. Екатеринбург

СКРЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО НА КАРТЕ ГОРОДА И В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ

В комплексе идей и представлений, определяющих видение мира, одним из наиболее важных элементов является восприятие пространства как глобального явления и среды обитания, в которой протекает повседневная жизнь человека. Образ города, конструируемый современниками и потомками, открывает новые возможности в исследовании мировоззрения и системы ценностей разных поколений.

Ориентируясь на такой ракурс изучения города, следует указать методологические основы. Во-первых, самым эффективным может быть метод изучения мемориальной карты города как города, которому «есть что скрывать», предложенный Карлом Шлёгелем. Побывав в Москве в 1982 г., он отметил, что из персонажей исторической драмы, происходившей в прошлом столицы, как и других городов, исключены многие имена – не только жертв, но и их палачей. В частности, по мнению немецкого ученого, одна из точек пересечения «забвения и замалчивания» – Колонный и Октябрьский залы Дома Союзов: приходя на концерты, он всегда думал о сценариях пресловутых московских процессов 1937-1938 гг. Историк отметил: «Зрителю, пришедшему сюда на фортепианный вечер Скрябина, просто невозможно представить себе, как это было».

К сожалению, историческая чувствительность, свойственная К. Шлёгелю, являлась в те годы (остается и сейчас) исключением: немногие наши соотечественники «переживают» историю страны так трепетно как некоторые иностранцы. До сих пор на этом здании нет мемориальной доски о трагедиях прошлого, как, впрочем, и в Екатеринбурге на здании по адресу Ленина, 17, где находилось Управление НКВД по Уральской/Свердловской области, в котором проводились допросы арестованных и во внутренней тюрьме которого осуществлялись расстрелы. К. Шлёгель подчеркивал

важность выяснения скрытых страниц истории города для самосознания новых поколений: «Поиск следов является в известной степени попыткой их спасения, противостоянием покорности и нивелированию. Судя по тому, насколько успешна такая акция, можно понять, как обстоит дело с силами, не желающими смириться с забывчивостью и забвением» [11; 212-213, 215-216, 223-224].

Особый статус в советской «политике зрения» имели места изоляции: власть стремилась убедить граждан в необходимости существования подобных заведений для перевоспитания политических преступников и других асоциальных личностей, поэтому официальные репортажи из мест заключения были ориентированы на создание визуальных образов, подтверждающих «благородную» миссию этих учреждений. Сведения о реальности тюрьмы долгое время оставались для советских людей недоступными (= невидимыми) – даже родственники арестованных и заключенных могли получить записку или письмо благодаря исключительному случаю, так как в следственных изоляторах и тюрьмах, как правило, переписка была запрещена и использовалась для оказания давления, чтобы добиться «чистосердечных признаний» и «хорошего поведения».

Действия властей в период массовых арестов являлись одной из причин изменения облика городов и функционального назначения зданий. В воспоминаниях очевидцев сохранялись свидетельства о том, что для содержания арестованных строились новые тюрьмы и открывались «филиалы» – ими становились хозяйственные постройки, находившиеся в тюремных дворах, школьные здания и детские сады, вокруг которых возводили высокие заборы со сторожевыми вышками по углам [1; 167. 3; 213, 218. 4; 237. 9; 291-292. 10; 45]. Горный инженер Петр Афанасьев, арестованный в Свердловске в 1937 г., привел в своих воспоминаниях очень показательный пример: Управление НКВД в городе находилось в одном здании с Бактериологическим институтом, но после того, как в 1937 г.

большинство научных работников были арестованы, институт закрыли, а все его комнаты стали апартаментами НКВД [3; 15].

Процесс расширения пространства несвободы символизировал трагические перемены в жизни многих людей – не только взрослых, но и детей. Помимо слухов о тайных местах захоронения расстрелянных скорбными знаками происходивших трагедий и окончания счастливого детства являлись открывавшиеся новые приёмники, в которые отправляли малышей и подростков, «изъятых» во время ареста у «врагов народа».

Современного человека поражает контраст между яркой, напряженной жизнью города-гиганта и его многострадальной судьбой, ибо атмосфера ненависти и страха, поиск вредителей и врагов народа превратили новостройки, заводы-гиганты и весь город в формальную экспозицию исторической драмы и мрачную декорацию человеческих трагедий. Дневники и мемуары очевидцев событий свидетельствуют: для многих Свердловск стал символом боли и горя. Иногда завершение строительства нового здания и его торжественное открытие трагическим образом совпадали с арестом (и даже смертью) инициатора мероприятий. До сих пор историки могут лишь предполагать, каким образом скончались в кремлевской больнице, находясь в служебной командировке в Москве в 1932 г., директор строительства УЗТМ А.П. Банников и главный инженер В.Ф. Фридлер, которым был установлен памятник на заводской площади. Другим ярким примером можно назвать арест Владимира Тарика на открытии Дворца пионеров. В 1937 году была арестована и расстреляна Зинаида Торбакова, директор Уральского университета, вскоре после завершения строительства нового учебного корпуса и общежития.

К сожалению, большинство современных горожан не вспоминают о том, какие трудности преодолевали их предки – строители. В частности, они не знают, что очень долгое время основной частью жилищного сектора оставались землянки, бараки и одноэтажные, неблагоустроенные дома, что уральские города не имели водопровода, канализации, хороших дорог,

транспортных магистралей, тротуаров для пешеходов. Даже в 1937 г. на совещании председателей уличных комитетов г. Свердловска звучали такие слова: «20 лет живу на ВИЗе – никаких улучшений, непроходимое болото»; «На улице Челюскинцев тонут грузовики»; «Улица Лассаля представляет собой канаву, полную воды»; «На улице Плеханова застряла бетономешалка». Все присутствовавшие говорили об отсутствии уличного освещения, радио, телефона. В 1937 г. органы санитарного надзора запретили не только брать воду для использования, но и мыть белье и купаться в пруду ВИЗа, так как было обнаружено много нефти, масел и других вредных веществ. Из-за аналогичной ситуации в Исети на заседании городского совета обсуждался вопрос о необходимости очистки реки [5; 1-51].

На многих стройках в дополнение к трудностям на производстве и бытовой неустроенности жизнь становилась невыносимой из-за жестокости в отношениях между людьми, в частности, по причине распространения хулиганства. Так, в жилой зоне Магнитки хулиганы развешивали плакаты с предупреждением: «Улица наша с 22 часов. Просьба не выходить» [8; 98]. В других городах также существовали «серые зоны», находившиеся вне партийного контроля, распространялись слухи о «дурных местах» [6; 207, 268].

Для многих свердловчан образ города символизировало мрачное здание Управления НКВД на проспекте Ленина, 17. Вероятно, как попытку разрушить этот образ можно рассматривать событие, о котором написал американский журналист Дж. Скотт, работавший на Магнитке в эти годы: однажды около пятисот женщин, несколько часов ожидавших разрешения передать арестованным еду и чистую одежду, измученные тревогой, разбили окна ненавистного дома [7; 204]. В середине 1930-х гг. местные жители, протестуя против уничтожения кладбища Ново-Тихвинского женского монастыря, разбили гипсовый бюст И. Сталина, установленный на центральной площадке Зеленой рощи. В срочном порядке власти установили

новый бюст, но и он был уничтожен [2; 424]. Такие примеры, несмотря на свою исключительность, подтверждают вывод Рольфа Мальте о том, что общественное пространство долго оставалось яблоком раздора между горожанами и властью. К сожалению, постепенно советский пространственный порядок и советская топография стали привычными для людей [6; 149, 269-270].

Новые поколения жителей города не считали (и не считают) необходимым вспоминать трагические страницы истории. В частности, лишь некоторые студенты знают о существовании мемориала памяти жертв политических репрессий на двенадцатом километре Московского шоссе, хотя именно здесь осуществлялись захоронения людей, расстрелянных по приговорам в 1937-1938 гг. Таким образом, на мемориальной карте города и в памяти горожан оказывается исключенной важная часть истории – этому способствует их пространственная, временная, интеллектуальная и нравственная удаленность от следов прошлого.

Литература

1. Баберовски Й. Красный террор. М.: РОССПЭН, 2007. 278 с.
2. Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург: «Академкнига», 2002. 712 с.
3. Завещание. Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1989. 256 с.
4. Как наших дедов забирали. М.: РОССПЭН, 2007. 607 с.
5. Конференция председателей уличных комитетов. 9 июня 1937 г. // Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 899а.
6. Мальте Р. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.
7. Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Москва: Изд-во МГУ; Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 302 с.
8. Стецура Ю.А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-30-х гг. Екатеринбург-Пермь, 1995.
9. 37-й на Урале. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 320 с.
10. Швед С. Заветные тетради. Челябинск, 2005. 192 с.

11. Шлёгель К. Постигая Москву. М.: РОССПЭН, 2010. 312 с.

Вяткина Т.Ю.,
г. Екатеринбург

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНОГО В СВЕТСКИХ СМИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Переход к постиндустриальной эпохе сопровождается возрастанием роли визуальности в формировании социальных и культурных оснований социального опыта и социального порядка, что порождает рост внимания к визуальным источникам, визуальным репрезентациям, особой системе методов в социальных науках. Основными традициями анализа визуального в социологии и социальных науках являются контент-анализ, семиотика, структурализм, психоанализ, дискурс-анализ.

Многие исследователи сходятся в мнении о том, что визуальность порождает иную социальность. Визуальность в социальных науках воспринимается уже не как просто добавление, иллюстрация к тексту, вербальным формам репрезентации реальности, а основание современной социальности, культуры, конструирования социальных практик. Культурная идентичность современного человека формируется в окружающем его визуальном поле – прессой, телевидением, рекламой, Интернетом [4].

Все большее значение по эффективности воздействия и доступности для понимания приобретает язык образов. Происходит трансформация мышления и восприятия людей в силу роста значения визуальности. Визуальные образы, в отличие от текстовых, – более содержательны, доходчивы, впечатляющи; они постепенно вытесняют текстовые [2, с.160] Визуальные образы формируют человека, определяют особенности его поведения, восприятия себя и окружающего мира.